

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

УДК 330.101

DOI: 10.26456/2219-1453/2025.1.006–017

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ НА ОСНОВЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

К.А. Хубиев

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова», г. Москва

Исходным пунктом статьи является констатация факта усложнения социально экономических процессов на глобальном и национальном уровнях, а экономическая теория не справляется с их теоретическим исследованием. Причина усматривается в исключении политической экономии из научно-образовательного процесса, ее десоциализации лишением государственной и грантовой поддержки. Образовавшаяся монополизация неоклассики тормозит развитие экономической науки, которая не справляется со своими функциями. Этим объясняется необходимость восстановления политической экономии в правах и ее социализации. Приводится критериальное доказательство научности политической экономии. Доказывается, что три основных направления экономической теории: политическая экономия, неоклассическая экономическая теория и неоинституциональная экономическая теория базируются соответственно на трех типах законов: объективных экономических законах, субъективно-психологических законах и «бумажных законах», создаваемых властными структурами. Показана взаимосвязь основных направлений экономической теории, основанных на соответствующих законах, фундаментальное и структурообразующее положение политической экономии.

Ключевые слова: *Объективные экономические законы, субъективно-психологические законы, «бумажные законы», политическая экономия, неоклассическая экономическая теория, неоинституциональная экономическая теория.*

Введение

В XXI век человечество вошло, не освободившись от глобальных проблем человечества. Наоборот, они усложнились и появились новые. Накапливание проблем значительно отстает от их теоретического объяснения. Самое большее, что предложило основное течение современной экономической теории – это «инклюзивный капитализм». Оно призвано включить в себя решение всех социально-экономических проблем, учет интересов всех слоев общества т. п. С подобной установкой можно согласиться. Но на практике происходит несколько иное. В самом общем плане разрыв теории и практики объясняется недостаточным теоретическим

и методологическим арсеналом господствующей в мире неоклассики и ее монопольным положением.

Возможности конкурентного развития экономической теории были резко ограничены снятием политической экономии из образовательного процесса, вслед за уходом с исторической арены «империи зла». Сегодня очевидна ошибочность подобных решений, и уже практической необходимостью становится восстановление политической экономии во всех ее правах полного гражданства не только в научно-образовательном пространстве, но и во всей социально-экономической системе.

Критерии научности политической экономии

Сегодня претензии на такие права надо доказывать и доказывать, бесспорно и неопровержимо. Общепризнанным критерием науки, особенно фундаментальной, являются законы, которые лежат в основе любой теории и доказывают ее значимость. Именно научные законы показывают степень проникновения творчества в скрытую сущность вещей, систему связей, образующих качественную определенность исследуемого предмета, логику его движения, источники и энергию развития. Расширение количества открытых законов и установление внутренних связей между ними создает гармоничную картину мира, его красоту. Выдающийся математик А. Пуанкаре справедливо утверждал, что законы как «наилучшее выражение» внутренней гармонии мира есть основные начала, предписания, отражающие отношения между вещами. «Однако произвольны ли эти предписания? Нет; иначе они были бы бесплодны. Опыт предоставляет нам свободный выбор, но при этом он руководит нами» [2, с. 8]. Наличием открытых законов наука доказывает свою значимость, поэтому мы исходим из наличия законов как наиболее важного критерия оценки политической экономии как науки

Развитие экономических исследований привело к образованию целой системы экономических наук, среди которых Политическая экономия занимает положение фундаментальной теоретической науки.

Главной особенностью и целью политической экономии всегда было установление экономических законов и их системы. Научное исследование находит и открывает их в экономических отношениях между людьми и в воспроизводственных процессах, включая взаимодействие с окружающей средой. Экономические отношения, связанные с производством благ, дают общее представление о предмете науки, хотя он (предмет) ими не ограничивается и включает отношения между людьми по поводу их взаимодействия с окружающей средой, природой.

Открыть экономические законы – задача сложная, поскольку они не лежат на поверхности экономической деятельности людей, хотя могут обнаруживать свои проявления. Для достижения своей главной цели научное исследование пользуется специальными средствами познания, которые в совокупности принято называть методологией. Представим кратко ее элементы. Метод научной абстракции позволяет раскрыть сущность исследуемого объекта сперва движением от эмпирически

конкретного к отдельным частям и деталям. Затем, обратным логическим путем восстанавливается полная характеристика предмета и получается теоретическое конкретное. Если в теоретическом анализе абстрактное и конкретное разделены, то в действительности взаимосвязь «эмпирически конкретное – абстрактное – теоретически конкретное» не прерывается ни на мгновение. В научном воспроизведении этот процесс получил название восхождение от абстрактного к конкретному. Этим методология теоретического исследования не ограничивается, включая комплекс диалектического метода, дополненный статистическими и иными эмпирическими методами. Политической экономии органически присуща методологическая междисциплинарность.

Важнейшей целью политической экономии является не только открытие законов как устойчивых, повторяющихся, и воспроизводящихся причинно-следственных связей. Следующей, более сложной задачей является установление связей между самими, уже открытыми законами. В развернутом виде это есть разработка системы законов. Говоря о развитии науки, А. Эйнштейн отмечал, что «теория преследует две цели:

1. Охватить по возможности все явления в их взаимосвязи (полнота).
2. Добиваться этого, взяв за основу как можно меньше логически взаимно связанных логических понятий и произвольно установленных соотношений между ними (основных законов и аксиом). Эту цель я буду называть «логической единственностью» [7, с. 254]. Взаимосвязь всех явлений и «логическую единственность» образует **система законов**.

При столь высокой оценке практической, теоретической и методологической роли законов для дальнейшего изложения очень важно отметить, что разные направления экономической теории основаны на разных по своей сути и природе законах. Юридическими законами и другими рукотворными нормативными положениями пронизаны все сферы жизни. Они формулируют права и обязанности граждан, предпринимателей, корпораций, общественных организацией и др. Такой тип законов для удобства назовем «бумажными законами», не забывая о только что отмеченной их особенности. На них основана институциональная экономическая теория.

В основе экономической теории находятся отличные по своей природе и присущие только ей законы. Такие законы принято называть «объективными экономическими законами». Они не зависят от законодателей и других носителей властной воли и сознания. Как уже отмечалось выше, это, повторяющиеся и воспроизводящиеся причинно-следственные связи и устойчивые зависимости, определяющие суть, содержание и главное направление развития изучаемого объекта (отношения, процесса). Объективные экономические законы составляют основу политической экономии. Третий тип законов — это «субъективно-психологические законы». Они определяются волей и сознанием отдельных индивидов и их групп. Особенно широко они используются в теории потребительского поведения и поведенческой экономике. Эти законы образуют основу неоклассической экономической теории (Экономикс). Эти

три особенных типа законов образуют основу трех крупных направлений экономической теории.

Наша задача доказать наличие объективных экономических законов, не только открытых и описанных теоретически, но и неопровержимо проявляющих себя практически.

Начнем с разделения труда, который лежал в основах теории Адама Смита. Он был описан до К. Маркса, но К. Маркс показал его практическое значение на примере производства булавок. Простое разделение труда и его кооперация дали кратный рост производительности труда при одних и тех же затратах совокупного труда рабочих, занятых в этом производстве [1]. «Политическая экономия, которая как самостоятельная наука возникла лишь в мануфактурный период, рассматривает общественное разделение труда вообще лишь с точки зрения мануфактурного разделения труда как средство с тем же количеством труда произвести больше товара, следовательно удешевить товары и ускорить накопление капитала») (выделено мной К.Х.) [1, с. 377] происходит суммарный рост производства, увеличивающий богатство всех участников данного процесса. Этот закон был положен в основу определения этапов становления капиталистического способа производства на промышленной основе.

Развитием закона разделения труда на макро- и мезоуровне является закон абсолютных и сравнительных преимуществ. И здесь тоже при одних и тех же затратах ресурсов (не только трудовых) происходит суммарный рост производства, увеличивающий богатство всех участников данного процесса. Его описал и иллюстрировал разными примерами, охватывающими международное разделение труда и мировую торговлю, Д. Рикардо. Здесь уже разделение труда и кооперация через обмен делает участников богаче и счастливее, как писал Д. Рикардо, при затрате одного того же количества ресурсов (не только труда). «Для счастья человечества одинаково важно, происходит ли увеличение наших житейских удобств вследствие лучшего распределения труда, вследствие того, что каждая страна производит те товары, к производству которых она приспособлена в силу своего положения, климата или других естественных или искусственных преимуществ, и обменивает их на товары других стран, или оно происходит вследствие повышения нормы прибыли» [3, с.74].

Закон преимуществ был тщательно описан, на его основе создаются математические модели и практические расчеты. Этот закон лежит в основе не только экономического, но и всего цивилизационного развития, если экономику рассматривать как материальную основу цивилизации. Он лежит в основе и современной международной экономики и торговли. Если в нынешней ситуации санкции не срабатывают и бумерангом приходится на экономику санкционеров, то это благодаря действию данного закона. Его действие можно блокировать только установлением полицейского запретительного режима в рамках всей мировой экономики. Эти фундаментальные законы, открытые и описанные научно и повсеместно, проявляют себя практически.

Обратимся еще к одному закону, открытому теоретически и доказанному практически, – закону Вагнера. Согласно закону Вагнера, эластичность государственных расходов по ВВП больше единицы, а значит экономический рост выступает в качестве ускорителя роста государственных расходов. В долгосрочном периоде растёт роль государства, растут и масштабы государственного сектора. При объяснении закона А. Вагнер не ограничивался эмпирическими данными статистики и искал более глубокие основания у выявленной им закономерности. Причины роста государственных расходов А. Вагнер связывал с развитием не только экономики вообще, но и с цивилизационным развитием. Автор этого закона был статистиком и вывел этот закон на основе массива эмпирических фактов индуктивно. Позже этот закон неоднократно подтверждался эмпирически. В «Макроэкономике» – авторы: Джеффри Д. Сакс, Фелипе Ларрен Б., приведена статистика за 50 лет, подтверждающая этот закон [4].

Мы обратили внимание на этот закон в силу его актуальности. Дело в том, что в литературе получила распространение догма о чрезмерном участии государства в экономике, доходящем до 71 % в производимом ВВП. А отсюда следует целая серия выводов: проблемы в экономике России связаны, в основном, с чрезмерным участием государства, а оно экономически неэффективно; для улучшения ситуации надо провести «вторую волну» приватизации, передать активы и ресурсы, принадлежащие государству, частным предпринимателям, которые по определению более эффективны чем государство. Это положение превратилось в некую догму без каких-либо теоретических и эмпирических обоснований и вопреки им. Закон Вагнера, эмпирически многократно подтвержденный в разных странах и в разные периоды времени, служит их опровержением самой догмы, соответственно и выводов, которые из нее делаются.

Мы привели законы, соответствующие самым высоким требованиям и критериям. На законах, выявленных и обоснованных К. Марксом, мы не будем останавливаться в силу того, что они имеют широкую известность. Изложенное выше считаем достаточным основанием заявить, что политическая экономия обладает признаками науки по критериям самых высоких требований. К сказанному можно добавить другие свойства научности, отмечаемые разными авторами: системность как важный критерий теоретической науки; разработанность воспроизводственного метода. Отмеченные выше особенности политической экономии как науки исключительно актуальны для исследования современной специфики и закономерностей мировой и национальных экономик, тенденций и закономерностей изменений в мироустройстве.

Кроме объективных законов существуют еще психологические законы и «бумажные» законы, которые творятся соответствующими властными органами. На объективных законах выросла и базируется политическая экономия, субъективно-психологические законы – это удел неоклассики, хотя там объективные законы тоже признаются, например, в разделе, посвященном теории производства. А бумажные законы, это удел

неоинституциональной экономической теории. На основе изложенного кратко назовем направления развития современной экономической теории. Политическая экономия определяет экономические законы исследованием движения причинно-следственных связей. А на уровне сделок они оформляются бумажными законами. На основе сравнительных и абсолютных преимуществ складываются свободные взаимно выгодные отношения разделения труда, в рамках которого производится продукт. На этой основе происходит кооперация через обмен. Достиженные договорённости об обмене оформляются бумажными контрактами. Здесь обе теории (политическая экономия и институциональная теория) взаимосвязаны и место каждой определено.

Неоклассика в основном базируется на субъективно-психологических законах. Но тот раздел, который называется «теорией производства» основан на объективных экономических законах. И здесь тоже есть основы для синтеза, поскольку данный раздел в основном заимствован из политической экономии. Например, одной из центральных тем теории производства является «нулевая экономическая прибыль», которая достигается конкуренцией. Это положение симметрично теории образования средней прибыли в политической экономии, причем с разделением внутриотраслевой и межотраслевой конкуренции. Вопрос о взаимодействии основных направлений экономической теории имеет значение для перспективы развития самой экономической теории. На основе объективной связи и взаимодействия основных направлений экономической теории на описанном выше подходе были нащупаны точки развития. На взаимодействии основных направлений экономической теории: политической экономии и Экономикс велись исследования и защищались диссертации, публиковались научные работы. Был намечен прорыв, опираясь на который можно было расширять научное пространство, и экономисты были готовы ответить на вызовы, в том числе и современные, связанные с необходимостью создания своей системы экономического образования. Для этого политическая экономия должна вернуть в полном объеме права гражданства и социализироваться в научно образовательном пространстве.

Практически значимые вопросы

Драматическая судьба политической экономии в России совпала с судьбой самой экономики, но не в силу их единства. Теория в лице политической экономии критически относилась к тем преобразованиям, которые очевидным образом вели к капитализации России радикальной сменой исходного и основного отношений способов производства. Политическая экономия социализма не могла быть использована для перехода от плановой экономики к рыночной в силу их прямой противоположности. В научно-образовательном пространстве того времени не было теории перехода от плановой социалистической экономики к рыночно-капиталистической. Наличие подобных сюжетов в предмете политической экономии выглядели бы нелогичными и по той причине, что

основной исторической линией в рамках политической экономии было восходящее и развитие. Откатные движения (реставрации) могли рассматриваться как исторически случайные и недолговременные. Но это не означало полного отсутствия методологических и теоретических основ для научного анализа затеваемых и происходящих изменений, для выработки и реализации экономической политики с иным социально-экономическим вектором изменений в обществе.

Политическая экономия разрабатывалась в «широком смысле» как охватывающая восходящее историческое развитие со сменой социально-экономических систем от менее развитых к более высоким. В ее составе содержался ценнейший материал по теории и методологии перехода между социально-экономическими системами, включая тщательный анализ переходных экономических форм и отношений. В научном арсенале теории межсистемных переходов имелся целый комплекс научных положений, которые можно было использовать в современных условиях. Приведем только некоторые из них.

Объективной необходимостью межсистемных переходов являются требования технологического и социально-экономического прогресса.

Межсистемные переходы требуют созревания социальных условий и факторов. Важнейшим из них является образование социального субъекта, мотивированного в технологическом развитии.

Межсистемные переходы требуют перераспределения собственности и экономической власти. Оно должно быть в пользу созидательных слоев общества, чьи интересы прямо связаны с технологическим прогрессом и экономическим развитием.

К концу 80-х гг. XX столетия в России (и бывшем СССР) созрела объективная необходимость перемен. Перемен внутрисистемных, но не межсистемных, а тем более не исторически попятных межсистемных фундаментальных преобразований. Но принятая стратегия преобразований не содержала позитивных признаков развития производительных сил. Не только общее направление, но формы, темпы и методы оказались неадекватными с точки зрения развития. Политика доминировала над экономикой в одной из самых деструктивных форм. Ставились и решались задачи разрушения прежней системы любой ценой. А ценой оказался спад производства больше, чем в Великую депрессию, и сопоставимый с уровнем падения производства в разгромленной Германии в 1945 г. Задачи прогресса технологического, социального и более эффективного распределения и использования ресурсов не ставились. Собственность и экономическая власть распределялись не в пользу созидательных слоев общества, а в пользу паразитических слоев преимущественно компрадорской направленности. Свое личное благополучие новые владельцы имущества и ресурсов строили за пределами источников доходов. Эшелонированная коррупция буйно проросла на почве социально-экономической деформации, созданной политическим доминированием над экономикой.

Теория межсистемных переходов была научным препятствием перехода России на путь исторически попятного движения к примитивной

капитализации экономики и общества. Но в доминирующих в тот период политических кругах не было заинтересованности в защите от разорения и разграбления. Наоборот, такие теории только мешали истинной мотивации и замыслам реформаторов. В их интересах было подобные теории замолчать, а еще лучше снять из научно интеллектуального оборота. Так политическая экономия лишалась основных признаков гражданства. Она не была формально запрещена, но была исключена из образовательного процесса снятием ее в качестве обязательной дисциплины из учебных планов, прекратилось ее финансирование, государственная и грантовая поддержка. В результате учащиеся всех уровней лишились фундаментального экономического образования, научно-исследовательский процесс тоже утратил определенный уровень фундаментальности, который так необходим, особенно сейчас для исследования новой турбулентной реальности в национальной и мировой экономике.

В основании любой экономической системы находятся собственность и экономическая власть. Но от того, интересы каких социальных слоев общества они отражают, зависит качественная определенность всей системы. Касательно собственности и экономической власти реформы должны проводиться в интересах созидательных слоев общества, которые заинтересованы в технологическом и социально-экономическом развитии, реализации инвестиционных проектов, которые способны продвинуть и развить соответствующие направления экономической деятельности.

Глубоким пороком российских реформ стало вытеснение созидательных слоев общества из основ экономической системы и захват этих основ паразитическими, криминальными, компрадорскими и прочими субъектами, в приоритетных интересах которых технологический и социально-экономический прогресс не значились. Личные и общественные интересы расходились порой диаметрально. Целенаправленная гетерогенизация основ экономической системы выступила главным фактором разрушения по всей вертикали системы: экономики, культуры, морали, правопорядка и т.д. Разрушение приняло масштабы цивилизационного уровня.

Когда разрушение оказалось достаточно очевидным, потребовались объяснения. Авторы и исполнители реформ, обещавшие конкурентное процветание на базе «эффективной» частной собственности, обратились к попыткам фатализации происшедшего. Утверждалось, что другого варианта реформ в России не существовало. Причем, в этом обвинялась прежняя система, якобы загнавшая экономику в исторический тупик, откуда никакого иного выхода не было. Такое мнение имеет то полемическое достоинство, что в любой ситуации можно заявить: иначе было нельзя, иначе было бы хуже. Жанр фатализации опровергается исторически состоявшейся прогрессивной альтернативой на конкретном практическом примере Китая.

Стартовые условия перед переходом из плановой экономики к рыночной у СССР и Китая, были одинаковыми на уровне общей для них

социально-экономической модели. При этом СССР имел более высокий уровень ресурсно-технологической и кадровой обеспеченности, перманентно оказывал помощь Китаю. Почему же результаты реформ оказались столь противоположными? В Китае происходил стремительный экономический рост, а в Россия после реформ произошли прямо противоположные процессы – стремительный спад производства, уровня жизни, население сократилось более чем на 10 млн и т.д.? В Китае к реформам подошли системно как к органической целостности. К собственности и экономической власти неспешно допускались субъекты, заинтересованные в технологическом и экономическом прогрессе. Строго следили за тем, чтобы в основании системы не развивались гетерогенные элементы, а тем более получали доминирующее положение. В этом направлении велась и ведется целенаправленная и жесткая борьба. Системный подход к реформам дал ожидаемые результаты: росли инвестиции (в т.ч. и иностранные), интенсифицировался технологический прогресс, росло производство товаров и услуг, неуклонно росли доходы и уровень жизни основной массы населения. Для перехода России на подобное направление экономического и социального развития полезно было обратиться к методологии и теории развития органических систем, дополняя и развивая ее новым содержанием. Фатализация происшедшего шаблонами типа «иначе было нельзя, иначе было бы хуже» не может служить даже жалким оправданием для тех, кто был инициатором, исполнителем и теоретическим вдохновителем неэффективной модели экономики, кто пытается перевести стрелки ответственности в прошлое. Того же достоинства и заклинания типа «никакого передела собственности не будет». Это означало бы смирение с тем, что ресурсы России были переданы тем, кто обеспечил за пореформенный период в среднем рост ВВП менее одного процента за год, что в три раза ниже среднемировых. Так же предлагается согласиться с тем, что в основании системы будут преобладать отнюдь не самые созидательные слои общества. Альтернативной сложившемуся положению должно быть наполнение системы, особенно ее основания, органическими элементами вместо гетерогенных. Собственностью и экономической властью должны овладеть субъекты и социальные слои, заинтересованные в создании и освоении новых технологий, особенно в условиях технологических санкций, развитии потенциала отечественного производства.

Системный подход, являющийся одной из важнейших особенностей политической экономии, применялся к изучению отдельных фундаментальных проблем, к которым относится собственность. Особую важность эта проблема приобрела в период радикальных перемен в России. Применение воспроизводственного подхода к одной из самых сложных и важных проблем позволило провести разграничение собственности как предпосылки становления социально-экономической системы и собственности как результата ее функционирования. В качестве предпосылки собственность может выступать как неэкономический процесс первичного перераспределения ресурсов и экономической власти.

Приватизация госсобственности оказалась драматическим подтверждением правильности научных позиций системного подхода. Она не была вызвана объективной необходимостью, а оказалась процессом, навязанным неэкономическими мотивами. Внеэкономические процессы преобразования собственности по методологии политической экономии должны смениться созидательным периодом функционирования новой формы собственности, экономическим процессом ее воспроизводства. Если преобразования носят объективно необходимый и востребованный характер, а перераспределение собственности и экономической власти происходит в пользу созидательных слоев общества, результатом межсистемных изменений собственности будет переход к более эффективному использованию ресурсов на основе технологического прогресса. Если прежняя форма собственности сдерживала технологический прогресс, то изменение ее формы открывает возможность для технического прогресса и всего социально-экономического развития. В общеисторическом контексте внеэкономическая смена форм собственности, обусловленная общественной необходимостью, будет источником цивилизационного прогресса, охватывающего все стороны жизни. И, наоборот, если смена форм собственности не является общественной потребностью, а есть результат завоеваний или иных насильственно-политических событий, наступит откат в экономическом и технологическом развитии. Такими же негативными результатами обернется и проведение назревших преобразований неадекватными методами. Радикальные изменения собственности в России не были научно обоснованы; не было общественной востребованности и объективной необходимости как выбранных направлений реформ, так и выбранных форм и методов их проведения, хотя методологическая и теоретическая основа для альтернатив была.

Уважение к научной методологии при принятии ответственных социально-экономических решений приводит не к социальным жертвам, как это было в России, а к вознаграждениям, как это было в Китае. Теперь, к сожалению, мы можем говорить только об упущенных возможностях и масштабах нанесенного ущерба. Но и теперь данная методология может быть использована, чтобы попасть на стезю прогресса. Для этого придется изыскивать и находить объективно-необходимые и общественно востребованные преобразования. Собственность и экономическую власть придется перераспределять в пользу созидательных слоев общества. Заклинания типа «не допустим передела собственности» демонстрируют прикрытие паразитических слоев, в чью пользу она (собственность) уже перераспределена. Перераспределить ресурсы – это еще не означает создать новую функциональную систему. Для этого необходимо пройти через созидательный процесс практического использования перераспределенных ресурсов. Именно здесь происходит проверка объективной необходимости и востребованности происшедших реформ в области собственности. С имущественно-правовых позиций трактовки собственности суть изменения ее форм сводились к перераспределению прав на имущество (ресурсов). Выход на эффективную модель экономического развития требует

системного подхода, включающего, прежде всего, ее основы. Наши предложения по реформе фундаментальных основ сложившейся в России неэффективной модели изложены более подробно на страницах периодических изданий [5; 6].

Заключение

Объективные экономические законы лежат в основе экономических отношений и придают им качественную определенность. Они являются предметом политической экономии. «Бумажные законы», принятые властными структурами, образуют предмет институциональной теории. Критерием экономической эффективности «бумажных законов» служит их соответствие требованиям объективных законов. Субъективно-психологические законы образуют предмет неоклассической экономической теории. Они основаны на выборе экономических агентов. Но выбор этот не может носить произвольный характер. Если он направлен на экономическую эффективность, то должен соответствовать содержанию и требованиям экономических законов. Соотношение основных направлений экономической теории имеет определенную логику, опирающуюся на соответствующие типы экономических законов. Поведение индивидов и их выбор тем эффективней, чем в большей степени соответствуют требованиям объективных экономических законов. Осуществленный выбор и договоренности экономических агентов требуют их оформления «бумажными законами» с наименьшими дополнительными издержками обращения. Это область институциональной теории. Взаимодействие этих направлений экономической теории дополняет друг друга и обеспечивает междисциплинарный синтез. В основе этой системы взаимодействия находится политическая экономия, которую необходимо полностью восстановить в правах и социализировать как теоретический фундамент движения к более эффективной экономической системе.

Список литературы

1. Маркс Карл. Капитал. Том первый. Книга 1. Процесс производства капитала. ИПЛ. Москва. 1973. 513 с.
2. Пуанкаре А. О науке. М., 1983. 561с.
3. Рикардо Д. Начало политической экономии и податного обложения. М., 1935. С. 567 с.
4. Сакс Джеффри Д., Фелипе Ларрен Б. Макроэкономика. Глобальный подход. Москва. Издательство «Дело» 1996. 848 с.
5. Хубиев К.А., Теняков И.М. Надломленный вектор развития российской экономики // Вопросы политической экономии (изд-во Бузгалин Александр Владимирович (Москва). 2024. № 2. С. 22–39.
6. Хубиев К.А., Теняков И.М. Создание внутренних источников экономического развития // Экономическое возрождение России. 2023. № 1. С. 5–23
7. Эйнштейн А. Физика и реальность. М., 1965. 360 с.

Об авторе:

ХУБИЕВ Кайсын Азретович – доктор экономических наук, профессор кафедры политической экономии экономического факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» (119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1); e-mail: khubiev48@mail.ru, ORCID ID: 0000-0001-7285-1136, Spin-код: 6003-9110

INTERDISCIPLINARY POTENTIAL FOR THE DEVELOPMENT OF ECONOMIC THEORY BASED ON POLITICAL ECONOMY

К.А. Khubiev

FGBOU VO “Lomonosov Moscow State University”, Moscow

The starting point of the article is the statement of the fact of the complication of socio-economic processes at the global and national levels, and economic theory does not cope with their theoretical study. The reason is seen in the exclusion of political economy from the scientific and educational process, its desocialization by the deprivation of state and grant support. The resulting monopolization of neoclassicism hinders the development of economic science, which cannot cope with its functions. This explains the need to restore political economy in rights and its socialization. The criterion proof of the scientific nature of political economy is given. It is proved that the three main directions of economic theory: political economy, neoclassical economic theory and neoinstitutional economic theory are based respectively on three types of laws: objective economic laws, subjective psychological laws and "paper laws" created by power structures. The interaction of the main directions of the economic hierarchy based on the relevant laws, the fundamental and structurally forming position of political economy is shown.

Keywords: *Objective economic laws, subjective psychological laws, "paper laws," political economy, neoclassical economic theory, neoinstitutional economic theory.*

About author:

HUBIEV Kajsyn Azretovich – Doctor of Economics, Professor, Department of Political Economy, Faculty of Economics, FGBOU VO “Lomonosov Moscow State University” (119991, Moscow, Leninsky Gory, 1), e-mail: khubiev48@mail.ru.

Статья поступила в редакцию 01.03.2025

Статья подписана в печать 17.03.2025